

енопластовые шарики теперь повсюду
на полу, на плите, у него в волосах

Ценный подарок

P0Lm.8_666

18+

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Ценный подарок

«Автор»

2026

P0Lm.8_666 P.

Ценный подарок / P. P0Lm.8_666 — «Автор», 2026

Время он узнал по чеку из кафе. Он охранял кортеж. Через несколько дней у его двери стояла коробка. На ней было написано: «Люблю, мама».

© P0Lm.8_666 P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

### Дисклеймер	6
### Глава 01. Прохожий	7
### Глава 02. Посетитель	12
### Глава 03. Проведение	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

P0Lm.8_666 P0Lm.8_666

Ценный подарок

Оглавление

Дисклеймер

Глава 01. Прохожий

Глава 02. Посетитель

Глава 03. Проведение

Глава 04. Раритетные экспонаты и экспозиции

Глава 05. Закат печени

Глава 06. Рейс

Глава 07. Турбулентность

Глава 08. Надёжный, любимый дом

Глава 09. Посылка

Глава 10. Взрывной успех телеканалов

Глава 11. Карикатурный детектив

Послесловие автора

Дисклеймер

Данное произведение является художественным вымыслом. Все события, персонажи, организации, географические объекты и ситуации либо вымышлены, либо используются в художественных целях и не претендуют на достоверность.

Любые совпадения с реальными лицами, ныне живущими или ушедшими, с реальными местами или событиями — случайны и не являются умыслом автора.

Автор не преследует цели опорочить либо дискредитировать какие-либо государственные структуры, силовые ведомства, профессиональные сообщества, религиозные или этнические группы, а также частных лиц.

Книга не является инструкцией, руководством, учебным пособием или пропагандой каких-либо действий. Описанные в ней процедуры, протоколы, методы и средства не следует воспринимать как достоверные или применимые в реальной жизни.

Содержание может быть неприемлемо для лиц младше восемнадцати лет. Если вы младше — пожалуйста, отложите эту книгу. Она вас подождёт.

И немного отдельно, без художественного вымысла. (Напоминание о технике безопасности из школьного курса по обж.).

При обнаружении подозрительного багажа, бесхозных предметов, неожиданных посылок или любых других вещей, происхождение которых вам неизвестно, — не приближайтесь к ним. Не трогайте. Не пытайтесь заглянуть внутрь. Не несите домой. Отойдите на безопасное расстояние. Предупредите окружающих. Незамедлительно сообщите в полицию или иные экстренные службы. Опишите предмет, его местоположение и время обнаружения. Дождитесь прибытия специалистов.

Помните: ваша бдительность и осторожность могут спасти жизнь — вашу и тех, кто рядом.

Берегите себя. Правда.

Глава 01. Прохожий

Он вышел из переулочка на небольшую площадь, залитую ровным, густым, почти стоячим солнечным светом. Свет этот был странным — не утренним, когда лучи косые и длинные, и не вечерним, когда всё вокруг приобретает золотистый, медовый оттенок. Он был каким-то нейтральным, никаким, словно солнце застыло в зените и забыло, что ему пора двигаться дальше. Этот свет ничего не сообщал о времени. Тени от платанов лежали на брусчатке густыми чёрными лужами, неподвижные, резко очерченные, как вырезанные из тёмной бумаги. Они тоже не давали подсказки — по ним нельзя было понять, удлиняются они или укорачиваются. Воздух был тёплый и неподвижный, без единого дуновения ветра; он пах нагретым камнем, пылью и отдалённо — водой из фонтана, который тихо журчал где-то в центре площади, за спинами прохожих.

Он остановился у края площади, у границы между тенью и светом, и сунул руку в карман лёгкой куртки. Пальцы нащупали плоский прямоугольник — телефон. Он вытащил его и нажал боковую кнопку. Экран остался чёрным, лишь на мгновение в его глубине мелькнула и погасла иконка пустого аккумулятора. Сел. Полностью. Он не помнил точно, когда это случилось — кажется, ещё час или два назад, когда он в очередной раз сверялся с картой в лабиринте узких улочек старого города. Телефон умер тихо, без прощального сигнала, и теперь лежал в ладони бесполезным куском стекла и металла.

Он не расстроился. В конце концов, на этот случай в боковом кармане рюкзака всегда лежал повербанк — небольшой, тяжёленький, завернутый в мягкий чехол, чтобы не царапался о ключи. Он расстегнул молнию, запустил руку внутрь и нащупал знакомый прохладный корпус. Достал повербанк, размотал кабель, который был аккуратно обернут вокруг него, и подсоединил штекер к разъёму телефона. Маленький зелёный огонёк на повербанке зажёгся — устройство принялось за работу. Телефон он убрал обратно в карман куртки, а повербанк вернул в рюкзак, оставив молнию слегка приоткрытой, чтобы провод не пережимался. Теперь тонкий белый кабель тянулся от кармана к рюкзаку, но заметить это мог только очень внимательный взгляд.

Ему хотелось знать точное время. Не приблизительное, не «где-то около трёх» или «скорее всего, уже четыре». Нет. Ему нужно было число. Час и минуты. Чёткие, неоспоримые, как математическая истина. Это было не практической необходимостью — он никуда не опаздывал, никаких встреч назначено не было. Это было чем-то иным: внутренней потребностью в определённости, в точке отсчёта. Без знания времени он чувствовал себя немного потерянным, выпавшим из системы координат, словно корабль без компаса в открытом море.

Но спросить было не у кого. На площади бродили люди — туристы с фотоаппаратами, местные с продуктовыми сумками, — но обращаться к ним не хотелось. Спрашивать время у незнакомца всегда казалось ему немного неловким, почти интимным жестом, будто ты просишь у человека не просто цифры, а частицу его собственного дня. К тому же он не говорил на местном языке, а объясняться жестами и тыкать пальцем в запястье было как-то по-детски.

Он перевёл взгляд на старую каменную башню, возвышавшуюся над площадью. На её вершине, под островерхим куполом, темнел циферблат. Когда-то, вероятно, он был главными часами города — большими, заметными издали. Но теперь стрелки замерли в каком-то неле-

пом, уже никому не нужном положении. Они показывали нечто среднее между без четверти два и половиной шестого — положение одновременно и невозможное, и бессмысленное. Вероятно, механизм сломался много лет назад, и с тех пор городские власти не удосужились его починить. Башня лгала, и все вокруг знали об этом, но никто не протестовал. В туристических городах время — понятие растяжимое.

Взгляд его скользнул дальше и остановился на ряде столиков под широким полотняным навесом. Кафе. Одно из тех непритязательных заведений, которые в изобилии водятся в туристических кварталах: плетёные стулья, пластиковые меню на столах, стеклянные сахарницы с отбитыми краями. Но в нём было что-то уютное, располагающее. Из открытой двери тянуло сложным, многослойным запахом: свежая выпечка, нагретые кофейные зёрна, томатный соус, чеснок, сушёные травы. У него даже слегка засосало под ложечкой — он вдруг понял, что не ел с самого утра.

Он подошёл ближе, выбрал столик с краю — так, чтобы сидеть спиной к стене и видеть всю площадь. Поставил рюкзак на соседний стул, поправил провод, чтобы не натягивался, и сел. Стул был плетёным, с просевшим от времени сиденьем, но сидеть на нём оказалось неожиданно удобно. Навес приятно притенял, отсекая прямые солнечные лучи, но оставляя достаточно света, чтобы всё вокруг казалось чуть подкрашенным, как на старой фотографии.

Почти сразу появилась официантка — девушка в белом фартуке, повязанном поверх тёмного платья. У неё были коротко стриженные тёмные волосы и усталое, но приветливое лицо человека, который работает с самого утра. Она положила перед ним меню — плотный лист бумаги, закатанный в прозрачный пластик, с обтрёпанными уголками. Он даже не стал заглядывать внутрь.

— Суп дня, пожалуйста, — сказал он медленно, надеясь, что она понимает. — И американо. В большой чашке.

Она записала в маленький блокнот, кивнула и ушла внутрь, даже не переспросив.

Он откинулся на спинку стула и стал ждать. Ожидание было приятным, наполненным мелкими наблюдениями. Пальцы сами собой потянулись к карману, нащупали телефон. Тот всё ещё был мёртв, но от его корпуса исходило едва уловимое тепло — повербанк делал своё дело, перекачивая электричество в пустой аккумулятор. Это тепло было почти живым, как слабое сердцебиение спящего существа.

На площадь опустилась голубиная стая. Птицы деловито заходили между столиками, выискивая крошки, смешно кивая головами при каждом шаге. Один особенно наглый голубь подошёл почти вплотную к его ботинку и посмотрел на него круглым оранжевым глазом. Не дождавшись подачки, он разочарованно воркнул и удалился. Где-то внутри кафе звякнула посуда, женский голос что-то негромко сказал на местном языке. Солнце медленно, почти незаметно для глаза, переползло через край навеса и легло жёлтой полосой на его руку, на тыльную сторону ладони. Он смотрел, как свет подбирается к костяшкам пальцев, к коротко остриженным ногтям, как он делает кожу золотистой и полупрозрачной.

Прошло несколько минут — или, может быть, больше. Он не считал. Время без часов течёт иначе: оно становится вязким, тягучим, измеряется не минутами, а событиями. Вот сел голубь. Вот прошёл человек с багетом под мышкой. Вот солнце коснулось запястья. Вот официантка появилась в дверях с подносом в руках.

Она поставила перед ним глубокую тарелку. От неё сразу поднялся густой ароматный пар, ударил в нос целым букетом запахов: спелые томаты, базилик, чеснок, что-то копчёное, что-то сладковатое. Суп был оранжево-красным, довольно густым, с тёмными точками сушёных трав на поверхности. В глубине угадывались кусочки овощей, что-то похожее на чечевицу и мелкие волокна разваренного мяса. Рядом она поставила плетёную корзинку с ломтями хлеба — серого, деревенского, с твёрдой коркой, присыпанной мукой. Ломти были неровными, разной толщины: видно было, что их отрезали вручную от большой буханки. И, наконец, чашку. Белую, керамическую, без ручки, полную чёрного кофе. На поверхности, у самого края, собралась толстая кремовая пенка — признак правильно приготовленного напитка. От кофе поднимался тонкий, горьковатый, бодрящий аромат.

Он взял ложку. Она была тяжёлой, из толстого металла, с простой округлой ручкой. Зачерпнул суп. На вкус он оказался именно таким, каким обещал быть по запаху: насыщенным, томатным, с глубиной. Чеснок чувствовался не сразу, а где-то на послевкусии, мягкой тёплой волной. Лук был разварен до прозрачности. Попадались крупинцы перца, дающие короткие вспышки остроты. И ещё что-то — может быть, копчёная паприка, а может, и не она, — что придавало всему блюду лёгкий дымный оттенок.

Хлеб ломался с глухим приятным треском. Корка его была твёрдой, даже жёсткой, и чуть горчила — та самая правильная горечь хорошо пропечённого теста. Мякиш же оказался пористым, мягким, воздушным, с крупными дырками. Он макал хлеб в суп, давая ему пропитаться, и отправлял в рот, чувствуя, как текстура становится плотной и сочной одновременно. Ложка мерно постукивала о керамическое дно тарелки — ритмичный, успокаивающий звук.

Он ел медленно, растягивая удовольствие. Не думал ни о чём, кроме вкуса и тепла, разливающегося внутри. Мысли, до этого момента скакавшие с одного на другое, постепенно успокоились. Остался только он, тарелка супа, корзинка с хлебом и чашка кофе. И площадь за краем навеса. И солнце, которое продолжало своё невидимое движение.

Кофе он пил маленькими глотками, обжигая язык, но не желая ждать, пока остынет. Горечь обволакивала нёбо и сменялась мягким ореховым послевкусием. Пенка оставляла на верхней губе белые следы, которые он машинально слизывал. Кофе был хорош — не из автомата, а сваренный вручную, может быть, даже в старой гейзерной кофеварке, которые так любят в этих краях.

Тарелка постепенно опустела. Он собрал остатки супа последним кусочком хлеба, отправил его в рот и отодвинул тарелку. На её дне остались только красноватые разводы. Кофе в чашке тоже почти закончился — на доньшке темнела густая жижа, которую он не допил. Затем он взял последний, уже подсохший ломтик хлеба, обмакнул его в остатки кофе — старая привычка, которую он сам не мог себе объяснить, — и съел. Горько-солёный вкус, странный, но знакомый с детства. Запил остывшим глотком воды из стакана, который появился на столе незаметно.

Он поднял руку.
— Счёт, пожалуйста.

Официантка кивнула и скрылась внутри. Сквозь стеклянную дверь было видно, как она подошла к кассовому аппарату, быстро застучала по клавишам. Аппарат загудел, зажуж-

жал, выплюнул узкую полоску бумаги. Она оторвала её, сунула в чёрную папку и направилась обратно.

Положила папку на стол. Улыбнулась уголком губ — вежливая, ничего не значащая улыбка человека, который обслужил уже десятки посетителей. И отошла к другому столику, где только что села пара пожилых туристов.

Он взял папку в руки. Она была из дешёвого кожзаменителя, с потёртыми уголками и мелкими царапинами на поверхности. Открыл. Внутри, под металлическим зажимом, лежал кассовый чек — длинный, слегка закручивающийся по краям, с глянцевой лицевой стороной и матовой оборотной. Термобумага, стандартная, какие выдают в тысячах кафе по всему миру.

Он вытащил чек и стал рассматривать. Перечень заказанного — «Суп дня», «Американо», «Хлеб». Цена каждого пункта. Итоговая сумма — не круглая, с мелкими цифрами после запятой. А в самом низу, под жирной горизонтальной чертой, отделяющей финансовую часть от технической, — дата и время. Моноширинный шрифт, чёткий, ровный, как на старых матричных принтерах. Никаких излишеств, только цифры.

15:08.

Восемь минут четвёртого.

Он смотрел на эти цифры несколько секунд, словно пробуя их на вкус. 15:08. День в самом разгаре, до вечера ещё далеко. Солнце будет светить ещё больше пяти часов. Время, которое ещё утром казалось абстрактным и чужим, вдруг стало конкретным, осязаемым, почти вещественным. Теперь оно у него было — маленькое, бумажное, с глянцевым отливом.

Он аккуратно положил чек обратно в папку. Затем достал из кошелька несколько купюр — с небольшим запасом, не мелочась, — и оставил их под зажимом. Папку закрыл и отодвинул на край стола.

Телефон в кармане коротко завибрировал — признак жизни. Экран зажёгся, показал значок зарядки: один процент, затем два. Он отключил кабель, смотал его аккуратно, виток за витком, и убрал повербанк обратно в боковой карман рюкзака. Молнию застегнул до конца. Телефон оставил в руке — тот уже загружался, показывая приветственный логотип. Но смотреть на него, сверять время на чеке с временем на экране он не стал. Чек не сойдёт. Да и зачем проверять то, что и так знаешь?

Он поднялся. Плетёный стул отъехал назад с лёгким скрежетом. Закинул рюкзак на плечо — привычным, давно отработанным движением — и вышел из-под навеса.

Солнце сместилось. Это было заметно сразу: тени от платанов стали длиннее, мягче, и легли наискосок через всю площадь, перечеркнув брусчатку ровными тёмными полосами. Воздух чуть посвежел, но всё ещё хранил тепло нагретого за день камня. Голубиная стая переместилась к фонтану и теперь толкалась там, хлопая крыльями и вздымая мелкие брызги. Прохожих стало чуть больше, но двигались они всё так же неторопливо, подчиняясь общему ритму этого места.

Он на секунду задержался на краю площади, подставив лицо солнечному свету. Тепло легло на кожу ровным, почти невесомым слоем. Затем он пересёк открытое пространство — брусчатка под ногами была неровной, выщербленной в некоторых местах, — и скрылся в том же переулке, из которого пришёл. Тень переулка поглотила его целиком, оставив позади и кафе, и площадь, и неподвижные стрелки на башне, и всё то, что только что было его маленьким миром.

Он знал время.

Глава 02. Посетитель

Он пересёк площадь и углубился в сеть узких переулков, удаляясь от туристического центра. Здесь уже не было ни вывесок, ни открытых кафе, ни праздных прохожих. Улицы становились всё тише, фасады домов — всё более облупленными. Где-то на втором этаже хлопнула оконная рама, эхо заметалось между каменными стенами и затихло. Он шагал размеренно, не оглядываясь по сторонам.

Нужное здание ничем не выделялось среди соседних. Три этажа старой кладки, узкие окна с тёмными стёклами, массивная деревянная дверь, выкрашенная в глухой серый цвет. Ни таблички, ни звонка. Только едва заметный глазок на уровне плеча и узкая прорезь считывателя карт, вмонтированная в стену справа от двери, — тусклый пластиковый прямоугольник, который не сразу и заметишь.

Он остановился. Стянул с плеча рюкзак, расстегнул передний карман и достал пластиковую карту — без логотипа, без имени, только магнитная полоса и несколько цифр, выдавленных на матовой поверхности. Поднёс карту к считывателю. Тот пискнул — коротко, сухо. Где-то в глубине двери загудел электромагнитный замок, разблокировался с глухим металлическим щелчком. Он надавил на ручку, потянул на себя. Дверь поддалась тяжело, открывая тёмный проём.

Он вошёл. Дверь за спиной закрылась с тем же металлическим звуком — замок снова вошёл в паз. Тишина обрушилась разом, как будто улица со всеми её звуками осталась в другом мире.

Внутри было сумрачно. Холл — если это можно было назвать холлом — представлял собой узкое помещение без окон, освещённое единственной лампой дневного света, которая тихо гудела под потолком. Стены, обитые серыми звукопоглощающими панелями, делали воздух плотным, ватным. Пахло пылью, нагретой электроникой и чем-то ещё — металлическим, техническим. Напротив входа, за стойкой, сидел человек в штатском. Обычное лицо, короткая стрижка, тёмная рубашка. Он не читал, не смотрел в телефон — просто сидел и ждал.

— Кодовое слово, — произнёс он, не повышая голоса. Вопрос прозвучал как утверждение.

Он остановился перед стойкой, поправил лямку рюкзака и произнёс ровно, без интонации:

— Молния.

Человек за стойкой на секунду задержал на нём взгляд, затем опустил глаза к невидимому монитору, что-то нажал. Раздался ещё один писк — уже другой, более низкий. Часть стены слева от стойки бесшумно ушла в сторону, открывая проход. За ней обнаружилась лестница, ведущая вниз, и ещё один коридор, освещённый холодным белым светом.

— Вторая дверь направо, — сказал человек за стойкой. — Там переоденешься. Твоя группа уже почти в сборе.

Он кивнул и направился в открывшийся проход. Его шаги по бетонному полу звучали глухо, почти без эха — звукопоглощающие панели делали своё дело. Лестница уходила вниз на один пролёт, в подвал, переоборудованный под нечто среднее между складом и раздевалкой. Воздух здесь был прохладнее, пахло резиной, тканевой пропиткой и едва уловимо — оружейной смазкой.

Вторая дверь направо оказалась металлической, с усиленными петлями. Он толкнул её и вошёл.

Это была небольшая комната без окон, залитая резким белым светом. Вдоль стен тянулись металлические стеллажи с ячейками, в каждой из которых лежал комплект снаряжения, упакованный в плотные чёрные чехлы. Посередине стояла длинная скамья. На ней уже сидел один человек — он застёгивал ботинки и не поднял головы при появлении нового входящего.

Он нашёл свободную ячейку с номером, сверился с листком, который достал из кармана куртки, и начал переодеваться. Движения его были спокойными, отточенными — видно было, что он проделывал это уже много раз.

Сначала — базовый слой. Он снял куртку, футболку и брюки, аккуратно сложил их на скамье. Достал из чехла комплект термобелья военного образца — плотная тёмно-оливковая ткань с логотипом компании, с плоскими швами, чтобы не натирали под лёгким бронежилетом. Ткань была эластичной, облегала тело как вторая кожа, но при этом не стесняла движений. Он натянул кофту, затем штаны, заправил их в носки.

Следом — боевая рубашка. Униформа разбитая на угловатые пятна. Рубашка была с усиленными налокотниками, с карманами на плечах — один плоский, для документов, другой объёмный, для мелочей. Он застегнул пуговицы, проверил, как ткань сидит на плечах.

Затем — брюки. Те же расцветки, с усиленными наколенниками, куда при желании можно было вставить защитные вкладки. Он их и вставил — твёрдые пластины гулко стукнули, входя в пазы. Пояс — широкий, с внутренним ремнём-липучкой, чтобы ничего не сползло. Застегнул, подтянул, проверил. На бёдрах — накладные карманы, слева и справа, достаточно большие, чтобы уместить запасные магазины или перевязочный пакет.

Обувь он не менял — его собственные ботинки, высокие, на толстой подошве, и так подходили. Он лишь проверил шнуровку, подтянул узлы.

Настал черёд бронежилета. Тот лежал в отдельном чехле, тяжёлый, плотный. Он извлёк его, расстегнул боковые стропы и надел, как надевают жилет. Весил он прилично, но тяжесть была знакомой, даже успокаивающей. Керамические плиты спереди и сзади глухо легли на грудь и спину. Он затянул боковые ремни, подогнал по фигуре, чтобы не болтался, затем застегнул переднюю панель — ряд за рядом, липучка за липучкой.

На бронежилете уже были закреплены подсумки. Три магазинных кармана на груди, горизонтально, под левую руку — для быстрой перезарядки. Ещё два — на поясе, справа. Подсумок для радиостанции на спине — пока пустой. Медицинская аптечка в отдельном чехле на правом боку, с красным крестом, едва заметным на камуфляже. И универсальный карман для мелочей — мультитул, налобный фонарь, запасные батарейки.

Он взял со стеллажа боевой ремень — широкий, с внутренней лентой-липучкой, которая цеплялась к поясу брюк, чтобы ничего не ёрзало. Застегнул, проверил натяжение. На ремень пошли: кобура — пока пустая, запасной магазин, складной нож в чехле, ещё одна аптечка поменьше, фляга в подсумке.

Следом — шлем. Он снял его с крючка, покрутил в руках. Кевлар, боковые направляющие для крепления фонаря или камеры, передний кронштейн под прибор ночного видения — сейчас пустой. Он надел шлем, подтянул подбородочный ремень, чтобы сидел плотно, но не давил. Постучал костяшками по макушке — глухой, надёжный звук.

Перчатки. Тактические, с жёсткими накладками на костяшках, с обрезанными пальцами — указательный и средний открыты для точной работы со спусковым крючком. Он натянул их, сжал кулаки несколько раз, проверяя хват.

Оставалась мелочёвка. Он повесил на шею жетон — металлическая пластина на цепочке, стандартный армейский идентификатор, с выбитыми цифрами и буквами. На левое плечо бронежилета прикрепил патч — флаг, размытый, приглушённых тонов, как положено на боевой форме. На правое — нашивку группы, абстрактную эмблему, смысл которой знали только свои.

Наконец он выпрямился и оглядел себя. В зеркальной панели на стене отразился человек, которого сложно было узнать: с ног до головы в камуфляже, увешанный снаряжением, с ничего не выражающим лицом. Форма сидела как влитая, ничего не болталось, не топорщилось. Он провёл последнюю проверку: похлопал по подсумкам, убедился, что всё на месте, подтянул один ремень, поправил шлем.

Человек на скамье уже закончил и стоял у двери, ожидая. Они встретились взглядами. Обменялись короткими кивками.

Он взял рюкзак со скамьи, закинул за спину поверх бронежилета — тот лёг поверх плит, не мешая. Затянул грудную стяжку, чтобы не болтался при ходьбе.

И направился к выходу из раздевалки. В коридоре его уже ждали.

Глава 03. Проведение

Тишина в наушнике длится уже тридцать секунд. Тридцать секунд — это много. Слишком много для операции. Он стоит у окна, ствол опущен, взгляд прикован к улице. Кортёж только что скрылся за поворотом, но тело ещё не получило команду расслабиться. Мышцы держат форму. Дыхание — поверхностное, грудное, как на стрельбище. Палец лежит на скобе, не на спуске, но рядом.

В наушнике — сухой электрический щелчок. Помехи. Затем голос старшего смены:

— Внимание, всем постам. Объект покинул зону ответственности. Отбой. Повторяю: отбой.

И сразу — эфир оживает. Кто-то выдыхает в микрофон. Кто-то докладывает о снятии. Голоса наслаиваются друг на друга — неразборчиво, буднично, почти лениво.

Он не отвечает. Просто отводит палец от скобы, медленно, словно боится разбудить кого-то. Снимает оружие с предохранителя — нет, наоборот, ставит. Щелчок получается громче, чем он ожидал. Приклад упирается в плиту бронежилета. Тяжесть оружия, ещё минуту назад почти незаметная, вдруг возвращается — глухая, привычная, земная.

Он отходит от окна. Один шаг. Второй. Ноги ватные — не от усталости, от долгой неподвижности. Кровь приливает к икрам. Он чувствует, как колет под коленями, как начинает гудеть в пояснице.

Соседний пост — мужчина лет сорока, с седым ёршиком волос, торчащим из-под шлема, — складывает сошки. Движения у него плавные, замедленные, как у пловца под водой. Их взгляды пересекаются. Седой кивает — коротко, скупое. Он отвечает тем же.

Всё.

Можно уходить.

Лестница вниз. Ступени бетонные, стёртые посередине — сотни шагов до него, сотни после. Он идёт, держась за перила. Шлем давит на лоб. Ремень натирает подбородок. Под бронежилетом — мокрая от пота футболка, ткань прилипла к лопаткам. Всё это он замечает только сейчас, когда адреналин начинает спадать. Странное чувство: тело вдруг возвращается к нему, предъявляет права. Я здесь, говорит оно. Я устало, мне жарко, мне тесно.

Он спускается в подвал, толкает металлическую дверь раздевалки. Она поддается с глухим стоном.

Внутри — холодный белый свет. Несколько человек уже переодеваются. Кто-то стягивает бронежилет через голову, запутавшись в лямках. Кто-то сидит на скамье, упершись локтями в колени, и смотрит в пол — не то медитирует, не то спит с открытыми глазами. Воздух здесь

плотный, пахнет потом, резиной, оружейной смазкой и тем особым запахом уставших мужских тел, который не выветривается никакой вентиляцией.

Он находит свою ячейку. Ставит оружие в вертикальную стойку — ствол упирается в резиновую подушку на дне. Раздаётся тихий металлический щелчок — зажим зафиксировал автомат. Всё. Оружие на месте. Он на секунду задерживает на нём взгляд — просто привычка, просто ритуал.

Теперь шлем. Он расстёгивает подбородочный ремень — пряжка тугая, пальцы ещё плохо слушаются, приходится поддеть ногтем. Ремень ослабляется. Он стягивает шлем, и в ту же секунду кожа головы вздыхает — по-другому не скажешь. Волосы мокрые, спутанные, прижаты к черепу. Он проводит ладонью по голове, разлохмачивая их, и трёт пальцами виски — там, где край шлема оставил красную полосу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.